

телями, эксплицирует языковой идеал социума. Одновременная фиксация в грамматическом описании языка и мысли о языке, составляющая специфику жанра, делает грамматику потенциально неисчерпаемым источником для истории литературного языка, предоставляющим максимальные возможности для реконструкции языкового сознания.

При всем сходстве общих кодификаторских установок и конкретных нормализаторских решений первые грамматики славянского языка — «Грамматика словенска» Лаврентия Зизания (1596 г.) (далее ГЗ) и «Грамматіки Славенскія правилное Сунтагма» Мелетия Смотрицкого (1619 г.) (далее ГС) — обнаруживают ряд существенных различий как в интерпретации языкового материала, так и в способах его презентации. К числу факторов, в наибольшей степени повлиявших на расхождения грамматик, следует отнести ориентацию их авторов на различные источники и адресаты.

Источники грамматической традиции в Юго-Западной Руси — это грамматические описания греческого и латинского языка, широко используемые в братских школах. Стремление вписать славянский язык в некоторую априорную схему связано, с одной стороны, с присущим тому времени универсализмом представлений о языке — с убеждением в тождественности грамматического устройства разных языков². С другой стороны, проблема грамматического описания соотносится с вопросом о достоинстве (dignitas) славянского языка, с questione della lingua в рамках Slaviae Orthodoxae, столь актуальным для восточнославянской книжности XVI—XVII вв. Признание за славянским языком культурного статуса классического языка «греко-славянского» мира диктует славянскому языку необходимость достижения равного с греческим (или с латынью) достоинства. Это, в свою очередь, требует от славянского языка той же грамматической организованности, которая свойственна классическим языкам, что закономерно приводит к описанию славянского языка по грамматическим моделям греческого и латинского языков³.

Лаврентий Зизаний, несомненно, использовал опыт греческой грамматики «Адельфотес» — «Грамматіка Доброглаголиваго еллинословенскаго языка» (Львов 1591), однако в ГЗ отчетливо сказывается влияние латинской традиции. Кроме традиционной Ars minor Элия Доната, Зизанием были использованы грамматики латыни, изданные в гуманистических кругах Германии и Польши. Среди них латинская грамматика Филиппа Меланхтона (Grammatica Philippi Melanchthonis Latina..., Lugduni 1554, Witebergae 1585 etc.), Сигизмунда Лупула (Erotemata octo partium orationis..., Cracoviae 1550), Альберта Басея (Alberti Basaei Scebresinensis Observationum Grammaticarum Libri Quique..., Krakau 1567) и Иоанна Урсина (Ioannis Ursini Leopoliensis Methodicae Grammaticae libri quattuor, Львів 1592)⁴.

Мелетий Смотрицкий обращался к латинским грамматикам Доната, Диомеда, Меланхтона, Линакра, Альвареса. Но в целом ГС характеризует преимущественная ориентация на грамматики греческого языка Ф. Меланхтона, Константина Ласкариса (ΓΡΑΜΜΑΤΙΚΗ ΤΗΣ ΕΛΛΗΝΙΚΗΣ ΓΛΩΣΣΗΣ—ΕΣ, Милан 1476), М. Крузия (Martin Crusii Grammaticae Graecae, cum Latina congruentis, Pars altera, Basel 1585)⁵.

Общая структура грамматического устройства славянского языка в ГЗ и ГС представлялась такой, какой ее увидели грамматики классических языков: 8 частей речи и их «последующие» (греч.

² Там же. С. 25.

³ Живов В. М. Славянские грамматические сочинения как лингвистический источник // О книге: D. S. Worth. The Origins of Russian Grammar. Notes on the Russian Philology before the Advent of Printed Grammars (=UCLA Slavic Studies. Vol. 5), Columbus, 1983. Russian Linguistics, 1986; № 10. С. 92—93.

⁴ Возняк М. Грамматика Л. Зизания // Записки наукового товариства ім. Т. Г. Шевченка. 1911. Т. 101. С. 22—27; Stankiewicz E. Grammars and Dictionaries of the Slavic Languages from the Middle Ages up to 1850. An Annotated Bibliography. Berlin, New York, Amsterdam, 1984. С. 33—35.

⁵ Булич С. К. Очерк истории языкознания в России (XIII в.— 1825 г.). Т. I. СПб., 1904. С. 176; Захарьин Д. Б. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV—сер. XVIII вв.). Мюнхен, 1995; Kociuba O. The Grammatical Sources of Meletij Smotryc'kyj Church Slavonic Grammar of 1619.: Diss. phil. — Columbia University, 1975.

παρεπόμενα, лат. acci-dentia), т.е. число, роды, падежи имен, степени сравнения прилагательных, времена, лица, числа, наклонения, залого глагола, семантические разряды наречий и т.д. Если количество частей речи в европейской грамматике мыслилось одинаковым для всех языков — 8, то число «последующих» не было ни универсальным, ни каноническим и колебалось от грамматики к грамматике. Ориентация на разные конкретные грамматики греческого и латинского языков и определила различия ГС и ГЗ как в составе «последующих», так и в составе частных грамматических значений в рамках «последующих».

Следуя греческой грамматике К. Ласкариса, М. Сморицкий различает три начертания глагола: **Начертание глагола есть трѣѣво. Простое: такъ емлю. Сложеное: такъ приемлю. Пресложеное: такъ воспримлю.** (л. 115) — ср. Σχήματα δὲ τρία: Ἀπλουν, φέρω. Σύνδετον, ἐπιφέρω. Παρασύνδετον, προσεπιφέρω⁶. Л. Зизаний противопоставляет две фигуры — **Простое. такъ, пишѣ, несѣ. Сложеное. такъ, Преписѣю. Наношѣю.** (л. 53), как польский латинист Басей — figura simplex: amo, figura composita: adamo⁷. По аналогии с греческим ΕΓΚΛΙΣΙΣ ΥΠΟΤΑΚΤΙΚΙ — ἐάν τύπτω⁸ М. Сморицкий впервые вводит в славянскую грамматическую традицию сослагательное наклонение — **Сослагательное имже сослагательнѣ быти что оубѣщаваем: такъ, аще бы хотѣлъ, далъ бы.** (л. 116 об.), в результате общее число наклонений в ГС достигает шести (**изъавителное, повелителное, молителное, сослагательное, подчинителное, неопредѣленное**). Л. Зизаний, напротив, изменяя традиционную схему «Адельфотеса», сокращает число наклонений («образов») до четырех (**изавителный или оуказательный, повелителный, желательный имѣти или молитвенный, непредѣльный или неубавный**) — из парадигмы исключается конъюнктив. Истоки этого преобразования следует искать в одном из переработанных изданий латинской грамматики Меланхтона⁹, где демонстрируется четырехчленная система наклонений. Как в греческой традиции, парадигма времени в ГС включает шесть мест — **настоящее, преходящее, прешедшее, мимошедшее, непредѣльное, вѣдущее**. При этом М. Сморицкий развивает идею родства времен, ориентируясь на модель строения времени в грамматике К. Ласкариса ΠΕΡΙ ΣΗΜΑΤΙΣΜΟΥ ΤΩΝ ΧΡΟΝΩΝ¹⁰, которая, в свою очередь, отражает традицию глагольного описания, входящую к Дионисию Фракийскому. В ГЗ по аналогии с латинской грамматикой на знаковом уровне происходит сокращение мест в парадигме времени с шести до пяти (ср. tempora... sunt autem quinque¹¹). Таким образом, при том, что в целом и ГЗ и ГС синтезировали греческую и латинскую традиции, содержательное осмысление славянских языковых категорий осуществлялось при преобладающей ориентации на латинскую грамматику в ГЗ и на греческую — в ГС.

Влияние латинской грамматики в ГЗ проявилось не только как сокращение мест в парадигме, но и как введение в текст семантико-грамматических дефиниций, представляющий собой перевод определений из грамматики Меланхтона. Ср. определения наклонений и залогов, построенные по принципу тавтологичности формы:

Изавителный или оуказательный есть, имже просто нѣчто быти оуказѣем. /

Indicativus qui simpliciter fieri aliquid aut non fieri definit.

Повелителный есть, иже въ повеленіи оупотребляетса. тако. оучи, вѣй. / Imperativus quo imperando utimer, ut nosce te ipsum.

⁶ Lascaris K. GRAMMATIKH THS ELLHNIKHS GLΩSSES. 1476. ed. 1841, En Benetia. С. 31.

⁷ Alberti Basaei. Scebresinensis Observationum Grammaticarum Libri Quique. Krakau, 1567.

⁸ Lascaris K. GRAMMATIKH THS ELLHNIKHS GLΩSSES. С. 38.

⁹ Возняк М. Граматика Л. Зизания. С. 24.

¹⁰ Lascaris K. GRAMMATIKH THS ELLHNIKHS GLΩSSES. С. 131.

¹¹ Grammatica Philippi Melanchthonis Latina. Witebergae, 1585. С. 221.

Молитвенный образ естъ, имже нѣчто быти желаемъ, тако, да оучѣ, да бѣю. / Optativus quo optamus, non definimus quid fiat.

Дѣлателный залогъ естъ, иже дѣланіе значит. тако, оучѣ, сѣкѣ, бѣлю. / Activum est, quod in O definit & actionem significat, ut amo, verbero.

Страдателный залогъ естъ, иже страданіе значитъ. тако, оучѣса, сѣкѣса, бѣлюса. / Passivum est, quod in OR definit & passionem significat. (ГЗ — лл. 51—51 об., 52 об., Melanchton 1585 — с. 209—210, 222)¹².

Будучи школьными учебными книгами, ГЗ и ГС были, однако, адресованы разным участникам учебного процесса: ГЗ — ученикам, ГС — учителям. Непосредственное указание на адресат грамматики содержится в авторском предисловии. В ГЗ оно обращено к ученикам (**Посланіе Спѣдем, Стѣхи къ младенцемъ, въвъдащѣи ихъ на дѣло**) и обосновывает важность изучения грамматики как первой **Ѡ семи наукъ**, составляющей основу дальнейшего обучения.

В ГС предисловие адресовано учителям (**Учителемъ школнымъ Авторъ: Д: Ф: и Т: З: З:**). Сокращение **Д: Ф: и Т: З: З:** может быть расшифровано как **Авторъ: Д[идаскаломъ]: Ф[ловенскимъ]: и Т[щателемъ]: З[доровья]: З[ычитъ]**:¹³. В предисловии, содержащем необходимые методические указания, М. Смотрицкий определяет

— цель обучения: **ѡна [грамматика] естъ къ понатію... мовена/ и писана, и писмъ вырозумена; Научитъ/ мовлю/ и читати по Фловенскѣ/ и писати роздѣлене/ и чтомое вырозумѣвати латин.**

— метод: **за повиннымъ потщаніемъ вашимъ/ читаны бѣдѣтъ звыклымъ шкѡлѣ спосовомъ Флавенскіи Лекціи/ и на Рускій языкъ перекаданы/ такъ то з Притчій Соломоновыхъ/ албо з Премудрости егѡ либо Фираховы: албо иншее што чистымъ языкомъ Флавенскимъ з грецкогѡ переложеное.**

— содержание курса: [грамматика] **Научитъ в реченіихъ розознаимъ розличности грамматичныхъ слова частій: научитъ Именъ склоненіа, а Глаголѡвъ спраженіа/ ведѣтъ власности ѡконченій (на чомъ намъ барзо сходило) языка чисте Флавенскогѡ:**

Научитъ порядкъ и спражена слѡвъ которыи за которыми/ для латинѣйшого/ найдѣючогѡса в нихъ розумъ понатѣ/ ведѣтъ Фочиненіа покладаны быти мають. Оукажетъ зле положеное слово: оукажетъ зытнее, оукажетъ и чого бы недоставало.

— последовательность прохождения материала: **Дѣткамъ оучитисѣ починающимъ Бѣкварь/ звыкле рекши/ Алфавитарь/ з тоиж грамматіки вычерпненный/ абы склоненіамъ грамматичнымъ з лѣтъ дѣтинныхъ з мовою заразъ привыкали, до вычѣна подаванъ нехай бѣдетъ. По Часослова зас и Фалтыри (которыи ѡпѣсканы быти не мають) вычѣнюса/ оваа грамматіка з выкладомъ, то естъ/ з показованемъ и оужыванемъ ей пожиткѡвъ настѣпитъ.**

Метаязыковые высказывания в основном тексте в ГЗ также адресованы обучаемым (**Если хочешъ вѣршѣ складати, ведле тыхъ метръ складай, Грецимъ поетѡмъ послѣдѣючи.** л. 89), а в ГС — обучающим (**Понеже вси Глаголи вида оучащателна первагѡ сѣтъ спраженіа/ и вси одинакѡ по предложенномъ в первомъ спраженіи Парадигмати спрагѡютьсѣ: тамъ оучащѡгѡса ѡтославше/ оѡвтореніе егѡ, ѡставлаемъ.** л. 141 об. — 142).

¹² Захарьин Д. Б. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — сер. XVIII вв.). С. 58—61.

¹³ Німчук В. В. Граматыка М. Смотрицького — перлина давнього мовознавства // Пам'ятки української мови XVII ст. Мелетій Смотрицький. Граматыка / Підг. факсимального видання та дослідження пам'ятки В. В. Німчука. Київ, 1979. С. 27.

Ориентация на разных адресатов определила ряд существенных структурных различий ГЗ и ГС. Если ГЗ представляет собой своего рода «прескриптивный минимум», то ГС является «прескриптивным максимумом», который отличается большим объемом, большей разработанностью и детализированностью как самого языкового материала, так и системы правил и метакомментария. Систему словоизменения Л. Зизаний описывает только посредством представления «образцовых» парадигм, задавая тем самым грамматический инвариант славянского языка (т. е. то, что должно быть усвоено учащимся). В то время как М. Смотрицкий, ставя задачу создания по возможности полного свода правил, демонстрирует весь словоизменительный потенциал славянского языка. Помимо основных, стандартных парадигм, М. Смотрицкий представляет все возможные частные случаи «отклонения» от «стандарта» и тонкости формообразования — чередования согласных, беглый гласный в основе, особенности изменения слов на шипящий, заимствований и етероклит и т. д. Кроме этого, словоизменительные парадигмы ГС сопровождаются отсутствующим в ГЗ метакомментарием (рубрики *оувѣщеніе, схоліон, изагтіе* и др.), который содержит собственно *правила*, эксплицирующие как закономерности, так и особенности формообразования того или иного класса слов (т. е. то, что необходимо преподавателю для объяснения).

Обращение к разной аудитории ГЗ и ГС предполагает и разный метаязык. В ГЗ использовано два метаязыка: к правилам, которые излагаются на славянском языке, Л. Зизаний дает толкования на «простой мове», построенные по принципу упрощения языка дефиниций (ср. *Грамматіка естѣ, извѣстное вѣжество, еже благо глаголати и писати. Толкованіе. Грамматіка естѣ певное вѣдане, жебысмы добре мовили и писали. л. 1; Гдѣ же бывати слоучаетъса просвѣдін; Над слуги. — А гдежъ вываецъ припѣло; Над слогами. лл. 5—6*). Использование «простой мовы» в ГЗ носит вполне сознательный характер. Принципиальная ориентация на плохо подготовленного читателя («спудеом», «младенцем» еще только предстоит овладеть грамматической хитростью) подразумевала предельно простой метаязык. Метатекст ГС, отличающийся не только большим объемом, но и большей изощренностью, написан на славянском языке. К «простой мове» в метаязыковых целях М. Смотрицкий обращается в исключительных случаях: 1) для пояснения наиболее искусственных славянских конструкций, которые могли вызвать затруднение даже у искушенного читателя (ср. [*Богъ естѣ дѣйствуй во васъ и еже хотѣти/ и еже дѣлати: Руски/ Богъ естѣ который справѣтъ в васъ и то/ абысте хотѣли, и то/ абысте чинили.*] л. 217); 2) для семантической дифференциации сходных конструкций (так, например, поясняется различие между оборотами *прежде даже* и *прежде неже*: *Русски сказѣмъ, первой поки: и первой нѣжъ.* л. 226).

Адресуя грамматику ученикам, Л. Зизаний выбирает и особую форму ее изложения в школьных целях — катехизисную (вопросно-ответную) (ср. *Коликъ естѣ гласныхъ; — единадесат. лл. 2 об. — 3; Что естѣ Іамвическое метро; Іамвическое метро естѣ шестомѣрителное или шесточислителное, и приемлетъ первый, и третій, пѣтый, предѣлъ, или нога. ли спондеа, или іамва. вторій же и четвертый единаго іамва. шестал же нога приемлетъ или Іамва, или Пυρίχια. лл. 89 об. — 90*), которая признавалась наиболее доходчивой формой обучения. Формула "Magister dixit" (Учитель говорит) определяла школьное образование в средние века. При этом если в античности учитель ставит вопросы, на которые вынужден отвечать ученик, то в средневековье учитель становится источником всевозможного знания, а ученик полон стремления узнать как можно больше. Ученик засыпает учителя вопросами, на которые тот терпеливо отвечает¹⁴. На славянскую почву идея катехизиса проникает вместе с книгой Константина Костенеческого "О письменах", т. е. с XV в. Константин связывает авторитет греческой мудрости с тем, что греки имели краткие вопросно-

¹⁴ Holtz L. Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Etude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IV—IX). Paris, 1981. С. 100.

ответные грамматики. Сам он намеревался создать вопросно-ответную грамматику для славян, но не осуществил этого замысла¹⁵.

М. Смотрицкий отказывается от подобной формы представления материала, используя диалог фрагментарно только в наиболее традиционной (и наименее оригинальной) вступительной части (2-й лист из 252), содержащей определение грамматики и ее основных частей.

В период «строительства грамматики»¹⁶ формированию собственных лингвоконцептуальных схем в Юго-Западной Руси во многом способствовало усвоение достижений классической грамматической традиции. Авторитетные грамматики греческого и латинского языков оказали определяющее воздействие на содержательное осмысление и интерпретацию славянского языкового материала в ГЗ и ГС. В то время как при выборе способов его изложения и подачи ключевое значение имели прагматические установки авторов грамматических руководств — их ориентация на конкретного адресата, с присущими ему информативными запросами, общим фондом знаний и способностью к пониманию.

¹⁵ Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. // Исследования по русскому языку. СПб., 1885. С. 517.

¹⁶ Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ // Из истории русской культуры. Т. III. (XVII — начало XVIII века). М., 1996. С. 56.

